

ШЕСТЬ ЛЕТ В СИБИРИ
(О травелогe Сигерта Патурссона «От Фарер до Сибири»)

doi: 10.30759/1728-9718-2020-2(67)-142-144

Внушительный свод популярных когда-то отчетов русских и иностранных путешественников о странствиях по Сибири пополнился недавно новым оригинальным источником.¹ На фоне сибирских путешественников XIX в. Сигерт Олуф Патурссон выделяется возрастом и длительностью поездки: он покинул Фарерские острова 20-летним и вернулся домой лишь спустя 6 лет. Эти параметры во многом определили стиль повествования и композицию книги: в ней нет объекта исследований — читатель просто следует за автором. Это увлекательно, но тысяча километров пути может быть уложена в одно предложение, а описание деревенского рукомошника занимает полстраницы. У Патурссона не было научной школы и опыта больших путешествий, но были хорошие воспитание и образование, знание нескольких языков, столового этикета, навыки ручного труда, стрельбы, судовождения, верховой езды, бальных танцев. Ко всему этому он был любопытным и романтичным, чем и можно объяснить выбор им Сибири в качестве места посещения.² Путешествие состоялось в 1889–1895 гг., а свои заметки в 12 частях Патурссон опубликовал в 1900–1901 гг. Они сразу же были изданы в Дании одним томом «Сибирь в наши дни» (дат. «Siberien I vore dage») с подзаголовком «Культурно-исторические зарисовки и описания событий, произошедших во время шестилетнего путешествия по северной и южной части Западной Сибири, а также в районе Карского моря». На русский язык книга была переведена в 2019 г. при финансовой поддержке Культурного фонда Фарерских островов.

По стилю это путевой дневник, дополненный после возвращения домой тематическими главами по этнографии, шаманизму, страноведению, истории, флоре и фауне Сибири. Всего в книге 31 глава, повествование хронологическое. Зауральский маршрут складывался по мере продвижения вглубь: Тюмень — Тобольск — Обдорск — арктические тундры (1,5 года) — Сургут — Тюмень (1,5 года) — Томск

(2 года) — Барнаул — Бийск. В Восточной Сибири Патурссон пробыл менее полугода, добравшись через Красноярск до Иркутска, вернулся назад по Ангаре, спустился вниз по Енисею и на торговом пароходе отплыл в Англию. Западносибирские заметки Патурссона во всех отношениях более основательные, а заполярный опыт и вовсе уникален: никто из западных путешественников не провел там столько времени, если не считать мореплавателей.

Патурссон не рассказывает читателю о цели и мотивах путешествия, сообщает лишь, что родители благословили его в путь. Он отплыл с Фарерских островов в Шотландию на судне, переполненном исландскими эмигрантами. Обеспеченные родители — владельцы самой большой фермы на архипелаге — были не против, чтобы один из сыновей искал себя на континенте. Они финансово поддерживали Патурссона все годы пребывания в Сибири. Переваливая Урал, он познакомился с известным сибирским купцом А. М. Сибиряковым, и тот рекомендовал ему шотландского купца Уордроопера (Вардроопера) в Тюмени. Последний, скорее всего, и определил дальнейший маршрут юности в низовьях Оби и Таза, где имел рыболовецкие станции.

В июне 1889 г. Патурссон отплыл вниз по Иртышу и Оби на парусном судне «Маргарита». Судно везло провиант и промышленные изделия, чтобы загрузиться в обратный путь пушниной, пухом и рыбой. Приключения начались в Обской губе. Эпизоды тропической жары сменялись бурями, но фаререц оказался хорошо подготовлен как для выживания, так и для того, чтобы его описать. «Маргарита» не скоро, но все же добралась до станции Нейвсале в бассейне Таза, где Патурссон, к удивлению команды, окончательно сошел на берег — никто, кажется, не верил, что молодой европеец останется в тундре зимовать. С собой он привез 2 ружья и 2 000 патронов! Об остальных вещах ничего неизвестно. Патурссон едва знал русский, но быстро учился и сходился с аборигенами. К исходу зимы он сам объяснялся с юраками-самоедами (ненцами).

Побуждая кочевников к дальним путешествиям, Патурссон обнаружил обширность их географических знаний, размах ойкумены. Подоб-

¹ Патурссон С. От Фарер до Сибири / пер. с дат. А. Мельникова. М., 2019.

² См.: Сигурдоттир Т. Сибирь 140 лет назад — глазами с Фарерских островов // Северные грани. Междунар. альманах. 2018. М., 2018. С. 31–38.

ное для Канадской Арктики позже сделал Кнуд Расмуссен, преодолев 18 000 км на собачьих упряжках на землях эскимосов (инуитов).³ Арктическая пустыня, выглядевшая как terra incognita для европейцев, оказалась пространством привычных кочевий олене- и собаководов. В январе 1891 г. на станцию рыбопромышленника Хлебикова в Тазовской Губе приехали самоеды из Гыданской бухты, охотники на песцов и оленей. Одного звали Шармёд («берущий табак»), его работника — Токо; в чуме осталась жена, немного знающая русский. Каждые 2 года они сдавали пушнину в Обдорск на Оби или в Туруханск на Енисее. На сей раз ехали в Туруханск, но фаререц каким-то образом уговорил их повернуть на Новую Землю! Посреди полярной ночи! Стартовали почти немедленно, 12 января. Было 6 упряжек, запрягали по 2 оленя, всего в хозяйстве их было 28. Ехали по Тазовской и Обской губам, к Белому острову.

Посреди торосающихся льдов между Белым островом и Новой Землей Патурссон поясняет читателю, что хотел добраться до колонии Константина Носилова в проливе Маточкин Шар, разделяющем Северный и Южный острова архипелага: «...у меня была прекрасная рекомендация от доблестного датского консула Тора Ланге в Москве. Господин Носилов наверняка будет удивлен, узнав, каким образом мы добрались до острова, и восхищен нашей храбростью».⁴ Действительно, судя по ново-земельским очеркам Носилова, все известные ему ненцы прибыли морем с юга, а Ямальский подход с востока был для них неведом.

До Новой Земли оставалось 2 дня пути, когда начались сильная оттепель, торошение льда и путешественникам пришлось отступить. Они вернулись к Тазу, и вся поездка заняла 35 дней. Несмотря на неудачу, очевидно было, что переход на Новую Землю едва не состоялся и путь туда Шармёду был знаком. Он знал, что надо идти с острова Белого,⁵ а предложенный иноземцем вариант через Вайгач невозможен, поскольку лед Карских Ворот всегда в движении; знал, сколько корма брать с собой, чтобы сохранить скорость и не перегрузить сани, где и когда пополнять запасы. Вероятно, на Новой Земле он рассчитывал на добычливую охоту.

Честолюбивые арктические открытия европейцев несколько меркнут на этом фоне.

Тазовскому периоду посвящена этнографическая глава «Особенности жизни на севере», где описаны обычаи, гендерные различия, верования коренного населения. Удивительных открытий Патурссон не делает, но раскрывает этнокультурную ситуацию бассейна Таза, особенности жизни кочевых и оседлых групп. Описано все добротное, не без некоторого морализаторства, включены собственные прегрешения, вроде воровства идолов для этнографической коллекции, и различные культурные казусы. Однажды фаререц наблюдал всенощное камлание шамана и счел это плутовством. Про вечерние сказания стариков заключил: «Жизнь в чуме далеко не всегда бессодержательна». На промыслах Вардроперов и других коммерсантов он отметил закабаление рыбаков-аборигенов, их бесправность на фоне русских приказчиков, что водка — самый ходовой товар в тундре, и всякий торг в конце концов сводится к тому, кто кого споит. Много места в тексте отведено охоте на разных зверей, поведению животных. Чаще всего Патурссона сопровождал кто-то из местных, и ему удавалось подсмотреть практики традиционной охоты.

Из описаний встреч, приемов, уличных зарисовок и случайных стычек в различных частях Сибири складывается емкий образ общества того времени. Чаще всего Патурссона ждали радушный прием и особое внимание. Месяц, проведенный в Сургуте, целиком состоял из приемов, балов и званых обедов, где его чествовали как земляка российской императрицы. Но затем на постоялом дворе перед Тобольском его по малице приняли за инородца и хотели спровадить в подсобку без ужина. Когда выяснили, что «немец», тут же накормили и уложили спать в гостиной. В Тюмени из-за проблем с паспортом он ощутил всю мощь и беспомощность российской бюрократии, пока сам не повстречался с губернатором. Трепетно Патурссон отозвался о сторожах и бродягах, в компании которых провел много времени на Сибирском тракте, а судьбе ссыльных посвятил отдельную главу. Он дает приметные характеристики купцам, помещикам, попрошайкам, попам, сектантам, чиновникам. В целом этнография южно-сибирской жизни, не в смысле описания этнических групп, а как заметки о повседневности сибиряков, удалась особо: «Во время разговоров с крестьянами я часто слышал откровенные рассказы о совершенных ими

³ См.: Rasmussen K. Across Arctic America: Narrative of the Fifth Thule Expedition. New York; London, 1927.

⁴ Патурссон С. Указ. соч. С. 86.

⁵ См. глобус или карты Арктики в азимутальной проекции.

кражах в обозах, что многие добропорядочные жители деревень рассматривали как законное, пускай и немного рискованное предприятие, которое Всевышний сам помог им удачно осуществить. Особенно часто подвергались ограблениям чайные обозы, направлявшиеся на запад».⁶ К этому надо добавить, что самого фарерца не раз хотели ограбить в пути, а случайные уличные встречи угрожали его жизни и репутации — спасали случай и находчивость.

В Тюмени Патурссон перенес холеру, в Томске — тиф. Из первого случая выросли великолепные зарисовки города, охваченного эпидемией, из второго — жесткие штрихи к портрету российской медицины. Томск был столицей Приобья, Тюмень же напоминала утопающий в грязи Вавилон, куда с запада устремлялись потоки людей, с юга — скот, чтобы общим гужом двинуться на восток. Патурссон исследовал округу на правах местного жителя, поселившись у земляка-датчанина, и посещал таборы малороссов, татар, болгар, цыган. Все они были первооткрывателями Сибири, мало зная о краях, куда направляются. Для тех же, кто укоренился в Сибири, жизнь делилась на до и после: «Когда я во время посещений деревень рассказывал, что приехал из страны, которая называется Данией, мне иногда отвечали: “Да, мы тоже оттуда”. В их понимании все, что не является Сибирью, принадлежит европейской части России».⁷

Заключительная дневниковая глава «Из Сибири через Северный Ледовитый океан и Карское море в Европу» описывает нетривиальное возвращение на родину: «Мне удалось стать первым пассажиром парохода, пришедшего из Северной Сибири в Европу». Это очень динамичное повествование, которое едва поспевает за передвижениями автора по рекам — Ангаре и Енисею — на баржах, пароходах и лодках, со множеством встреч в пути. Забравший Патурссона английский пароход «Лорна Дун» угодил в ледовый плен у острова Вайгач. Часть команды сошла на берег, чтобы посуху двигаться на родину, а Патурссон остался на пароходе, выступив служебным переводчиком судна при общении с береговыми самоедами. К счастью, вскоре лед рассеялся, и пароход благополучно прибыл в Британию. Северный морской путь набирал обороты, и предпоследнюю главу книги Патурссон по-

святил истории и перспективам морского сообщения Сибири и Европы. Северной Азии он пророчил торгово-промышленное будущее.

В обследованные края Патурссон больше не вернется, хотя путешествовать по России еще будет. Его 6-летние наблюдения не имели серьезных последствий для науки; историография Российского Севера и Сибири вплоть до прошлого года не замечала датского труда. Теперь, благодаря хорошему переводу и изданию, книга пополнит ряды переводной литературы об Урале и Западной Сибири XIX в., наряду с трудами немцев А. Брема и О. Финша, шведа Ф. Мартина, итальянца С. Сомме, венгра А. Регули, американца Дж. Кеннана, финнов М. Кастрена, А. Алквиста и многих других. Перечисленные исследователи, как правило, представляли научные школы, имели обязательства по грантам и ограничения по времени. Их дневники — основы будущих монографий, поэтому предметно-ориентированные описания преобладали над дорожными наблюдениями. У Патурссона все наоборот: повествование строится от дороги, что роднит его с первооткрывателями неведомых земель и прикладным страноведением торговых людей — традицией, восходящей к Марко Поло. Но цель фарерца не столь очевидна: чего он добивался в Тюмени, Томске, Красноярске, мы так и не узнаем. Временами повествование напоминает обывательский дневник, и кажется, что Патурссон вот-вот осядет в одном из сибирских городов. Происходила неизбежная смена оптики наблюдателя при столь длительном и прерывистом путешествии, пришедшемся на молодые годы.

При всей оригинальности Патурссон не был одинок в своей манере письма и желании поделиться увиденным. Скорее, типичен: вторая половина XIX в. примечательна увеличением числа пишущих людей, побывавших в Азиатской России. Об этом можно судить, например, по числу упоминаний Тюмени в травелогах, но «пишущие представители образованного класса были всего лишь тоненьким слоем пены на волне массовых передвижений».⁸ И Патурссон был частью, с одной стороны, обширного миграционного потока европейцев, с другой — его привилегированной верхушки. Ему не пришлось «в поте лица добывать хлеб свой», но он в полной мере разделил «бремя образованного человека», принужденного писать и рефлекс-

⁶ Патурссон С. Указ соч. С. 234.

⁷ Там же. С. 240.

⁸ Корандей Ф. Прибытие в Сибирь. 1880-е годы в путевых описаниях: опыт антологии // Большое Городище. 2014. № 1 (34). С. 134.

сировать, особенно в случае необычайности жизненных обстоятельств. Сибирь была еще достаточно диковинной, чтобы живописать ее устройство для Европы, но уже достаточно изученной, чтобы не делать из этого открытия или сочинять небылицы. Сделанные за 6 лет наблюдения были благодатным материалом,

чтобы заключить их в рамки «культурно-исторических зарисовок наших дней». Спрос на страноведческие описания в Европе оставался велик, и фаререц справедливо рассчитывал на издание и известность. Расчет в конечном счете оправдался, чему свидетельством книга, переизданная спустя много лет.

*И. В. Абрамов
н.с. Центра этноистории,
Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)*